

IV. Патриарх Никон во всех прочих делах его служения Русской Церкви и оставление им патриаршей кафедры

Кроме двух главных дел, которым было посвящено недолговременное патриаршествование Никона и о которых мы доселе говорили, оно ознаменовалось и другими деяниями его как верховного пастыря Русской Церкви. Никон имел от природы ум светлый, твердый и обширный, и этот ум успел обогатить чрез чтение книг разнородными познаниями в слове Божиим, в писаниях святых отцов, в церковной истории и особенно в канонах Церкви. При таком уме и познаниях он обладал еще редким даром слова и голосом чистым, сильным, приятным, мог говорить даже без приготовления разумно, назидательно, сладко. Этим-то даром слова и достоинствами своей беседы Никон прежде всего и покориł себе сердце молодого царя Алексея Михайловича и потом обратил на себя особенное внимание Иерусалимского патриарха Паисия, когда был еще архимандритом. Сделавшись митрополитом Новгородским, Никон кроме чтения готовых церковных поучений, положенных на воскресные дни и праздники, начал и от себя проповедовать в церкви - что было тогда совершенною новостью - и своими проповедями привлекал к себе толпы слушателей. Между современными архипастырями не было не только равного, но и подобного ему в этом отношении. Надобно, однако ж, заметить, что такой отзыв о Никоне делает приверженный к нему клирик его Шушерин и что у нас были уже в то время и другие лица в духовенстве, которые не ограничивались только чтением готовых проповедей в церкви, но предлагали при этом и от себя поучения к народу и даже славились своими поучениями, каковы были, как мы отчасти и видели, известные протопопы - соперники Никона: Иоанн Неронов московский, Аввакум юрьевский и Логгин муромский.

Сделавшись патриархом, Никон еще усугубил свою ревность в проповедании слова Божия и почти за каждою своею службою обращался с назидательными беседами к народу. Иногда он только читал сам поучения из святых отцов и других книг, для того назначенных, следуя общему правилу, соблюдавшемуся тогда в нашей Церкви. В этих случаях он выходил из алтаря на амвон, диаконы выносили и развертывали пред ним книгу, и он прочитывал то, что следовало или что желал прочитать. В другое время Никон не ограничивался одним лишь прочтением готовых поучений, а делал к ним собственные пояснения и дополнения. В неделю мясопустную 1655 г., когда Никон в первый раз совершил литургию вместе с двумя патриархами, он по окончании ее "не только прочел поучение на тот день, но и сам проповедовал и пояснял прочитанное предстоящим". В неделю православия того же года он "не только прочел всю соответствующую дню Беседу о поклонении св. иконам от начала до конца, но присоединил к ней свои объяснения и увещания, очень обширные". Иногда же Никон не довольствовался и одними пояснительными

дополнениями к прочитанным проповедям, а произносил свои самостоятельные поучения. Например, в ту же неделю православия кроме прочитанной Беседы о поклонении святым иконам и своих дополнений к ней Никон сказал еще Слово о том, как должно слагать персты для крестного знамения. В неделю мясопустную 1656 г., "после обедни (в Успенском соборе), как только патриарх Никон прочел поучение на тот день и сказал проповедь, одна из монахинь выступила вперед и объявила царю и патриарху, что она с давнего уже времени была больна и что она в прошлую ночь, оставшись в соборе, уснула у раки святителя Филиппа. Ночью он явился ей во всем облачении с двумя диаконами, кадившими ему, и, назвав ее по имени, велел ей встать - и она тотчас же выздоровела. Выслушав рассказ, царь пролил обильные слезы, а патриарх начал поучать народ и поучал долго по поводу совершившегося чуда". Этот последний случай показывает, что Никон способен был говорить поучения к народу, даже длинные, без всякого приготовления. А при такой способности, вероятно, он никогда предварительно не писал своих проповедей, и становится понятным, почему ни одна из них не дошла до нас. Не дошли до нас и речи Никона, которые говорил он царю Алексею Михайловичу каждый раз, когда провожал его на войну и потом встречал его по возвращении с войны в столице. Об одной из этих речей сохранилось сказание свидетеля-очевидца, тем более любопытное, что оно дает основание заключать и вообще о характере проповедей Никона. В 1655 г., 11 марта, пред отправлением государя на войну, патриархи совершили ему в Успенском соборе напутственное молебствие при бесчисленном стечении народа. Когда молебствие окончилось, "патриарх Никон стал пред царем и, призывая ему от Бога благословение и помощь для победы над врагами, начал громким голосом красноречивое Слово, в котором приводил многие примеры такой помощи из древней истории и новой, каковы: победа Моисея над фараоном, Константина Великого над Максимианом и Максентием и другие в том же роде. Речь его была обильна и плодovitа и походила на поток, богатый водою. Если он ошибался или путался в словах и запинаясь, то немедленно оправлялся и продолжал с новою силою. Никто, казалось, не замечал его ошибок и не уставал его слушать. Все молчали и внимали ему, как бы рабы пред господином. Наиболее же возбуждало удивление то, что царь стоял с непокрытою головою, а патриарх был в митре; один со смирением сложил свои руки на груди, а другой в жару ораторства поднимал свои руки, как бы отдавая приказания; царь в молчании склонил свою обнаженную главу к земле, а патриарх, говоря к нему, гордо возносил главу свою, увенчанную митрою; первый как бы притаил свое дыхание и сдерживал чувства, голос же последнего раздавался громко по храму, подобно звону колокола; первый имел вид раба, последний - вид знатного господина. Какое зрелище для нас! Одному Богу известно, что чувствовали мы к государю. Какое необычайное смирение!.. Патриарх окончил свое Слово молитвою и поклонился царю".

Но если не дошли до нас ни речи патриарха Никона к царю, ни поучения, которые произносил Никон к своей московской пастве, то дошли речи его, сказанные на двух Московских Соборах и нам уже известные, дошли поучения его, с какими обращался он ко всей России в двух своих окружных грамотах. Обе эти грамоты разосланы были им в 1656 г., одна от 24 июня - по

случаю основания Крестного монастыря, другая от 6 августа - по случаю морового поветрия. В первой грамоте Никон после обычного архипастырского приветствия извещал всех, духовных и мирян, что им основан на острове Кие Крестный монастырь и уже отправлен туда честной крест, устроенный из кипарисного дерева со множеством святых мощей, старался, с одной стороны, расположить своих чад к пожертвованиям на этот монастырь, а с другой - объяснить им силу и действия Креста Христова. "Православные христиане всякого чина и возраста, возлюбленные наши чада, - писал патриарх, - кто из вас всею душою любит Господа нашего Иисуса Христа и Его Честной и Животворящий Крест, тот да подает в монастырь Ставрос, т. е. Крест, на строение и вознаграждение его от дарованных каждому Богом стяжаний, сколько хочет по благому своему усердию, помня сказанное апостолом: Доброхотна дателя любит Бог (2 Кор. 9.7) - и имея в уме сказанное Богом Израилю: Да не явишия предо мною тощ (Втор. 16. 16). Вы слышали, что сказал Христос Спаситель Своими пресвятыми устами: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5. 7); *дадите, и дастся вам* (Лк. 6. 38). Поревнуйте той бедной вдовице, которая положила в церковную сокровищницу две последние свои лепты и которую похвалил Христос, так что даяние ее доселе возвещается во всем мире и будет убожаться до Пришествия Христова. Какой же похвалы и благодати будут достойны те, которые дают многое на потребности и созидание св. церквей?.. Вы знаете, что в том монастыре Крестном как иеромонахи, так и монахи, распявшиеся Христу и взявшие крест свой, будут день и ночь молить распявшегося на Кресте Христа о вашем многолетнем здравии и душевном спасении и о ваших скончавшихся сродниках. Знаете, что милостыня бывает причиною бесчисленных благ, особенно же даваемая на созидание и украшение св. церквей, как свидетельствует Златоуст..." Представив затем несколько выписок из Бесед Златоуста с своими пояснениями о благотворности милостыни на святые храмы, в которых воссылаются молитвы и приносится Бескровная Жертва за живых и умерших, Никон заключил: "Подавайте же, возлюбленные чада, в тот Крестный монастырь на его потребности каждый по своей силе - и Бог Всемогущий воздаст вам по св. Евангелию здесь сторицею и в будущем веке живот вечный, и сила Божественного Животворящего Креста сохранит вас и соблюдет на всяком месте от всякого вреда и порока..." Во второй части своей грамоты Никон желал изложить учение о силе и спасительных действиях Креста Христова и с этою целью воспользовался двумя Беседами из толкового Евангелия: Беседою на 3-ю неделю Великого поста, или крестопоклонную, и Беседою на Воздвижение Честного Креста. Но, приведши выдержки из той и другой Беседы, святитель продолжал речь и от себя: "Если мы желаем почтить приличною честью св. Крест, то должны изображать его на лице своем тремя первыми перстами десницы, совокупляя их во образ Св. Троицы, ибо такой древний обычай имеют по преданию все православные сыны Восточной Церкви. Они совокупляют три первые перста во образ Св. Троицы, просвещением Которой открылось нам таинство Воплощения и мы научились славить Единого Бога в трех Ипостасях, Отца и Сына и Св. Духа. Совокупляя три перста, мы имеем в уме таинство Св. Троицы, а изображая ими на себе Крест Господа, воспоминаем Его страдание и Воскресение и ради их

испрашиваем себе помощь от Бога. Он явил первому христианскому царю Константину образ Честного и Животворящего Креста на небеси... и повелел сотворить подобие его и носить пред полками... И Константин силою распявшегося на Кресте Христа Бога нашего одержал три достопамятные победы... И в память тех побед устроил три креста из чистой меди... и возградил на св. горе Афонской монастырь Ставрос во имя Креста Господня, существующий доселе. Один из тех трех крестов принесен в Россию при великом князе Владимире и донныне находится в Москве. Его всеильным действием православные великие князья и цари русские одолевали врагов и покоряли под свою державу окрестные страны. Равно и ныне благочестивый государь наш царь Алексей Михайлович, ревнуя первому христианскому царю Константину, повелел носить один из тех трех крестов пред полками своего благочестивого воинства и силою распявшегося на Кресте Иисуса Христа, истинного Бога нашего, побеждает врагов, как всем видимо. И мы веруем, что Господь Иисус силою того же Животворящего Креста подаст его царскому величеству совершенную победу над всеми врагами и супостатами..."

В грамоте своей по случаю морового поветрия Никон прежде всего призывал всех к покаянию. "От чего поветрие, - писал он, - один Бог ведает, а мы можем только сказать, что не бывает скорби, глада, губительства, недугов и иных бедствий ни в городе, ни в селе, если Господь не попустит... Наш долг молиться и плакать пред Господом Богом не только о себе, но и о людях, дабы со всеми нами сотворил милость Свою, но и вас молим, всех и каждого, каяться в ваших грехах, бывших и настоящих, очистить себя св. исповедию, и молитвою, и постом, со слезами укротить праведный гнев Божий (причем приведено 69-е правило св. апостолов). Да постится же каждый из вас по силе, как сын Восточной Церкви, и да причастятся все, кого признают достойными духовные отцы, Животворящих Тайн Христовых. Если же кто и после этого завещания нашего не отступит от злодеяний своих, и св. исповедию, постом и молитвами не сделается своим Господу, и не сподобится Св. Тайн, то да ведает, что я чист от всякого нареkania, сказав вам волю Господню, заботясь о вашем здравии и спасении". Затем Никон убеждал всех, чтобы сами берегли себя с Божиею помощию от морового поветрия и удалялись от него и что такое бережение себя - дело доброе, и в подтверждение своих слов привел отрывок из святого Афанасия Великого, указывал на пример Самого Спасителя, Который бежал от Ирода и не раз уклонялся от иудеев, хотевших умертвить Его, на пример святого апостола Павла, также не раз спасавшегося от врагов, и на недавний пример жителей Москвы во время бывшего в ней (1654) поветрия. "Те, которые бежали тогда из Москвы с надеждою на Бога в здоровые места, - говорил Никон, - те и ныне здравствуют и поучаются на богоугодные дела. А те, которые не захотели спастись, те не только самих себя повергли в погибель, но увлекли туда и многих ненаученных, обольстивши их своими ложными видениями и снами, за что и примут месть от руки Вседержителя не менее убийц... Да и об нас тогда многие, собираясь вместе, говорили неподобное, приписывали нам грехи, которых мы не только не делали, но и в мыслях не имели, обвиняли нас за отхождение из Москвы, хотя оно было по указу великого государя, - буди им милость Божия и не постави им, Господи, греха..."

Они от лукавого своего сердца предлагали свои ложные видения простецам, а простецы, напившись лживыми баснословиями крамольников, клеветали то на одного, то на другого и называли их виновниками морового поветрия..." Потому Никон умолял, чтобы и теперь, во время нового морового поветрия, не верили лживым пророкам, которые во множестве являются в разных местах и кричат: "Видел сон, видел сон и получил от Господа такое-то извещение" или говорят: "Ради такого-то или другого человека постигла нас язва" и увлекают многих простых людей к гибели. Никон советовал: "Приводите таких лжепророков и сновидцев к нам, вашему пастырю, а мы данною нам от Христа Бога властью вязать и решить наложим на таких лжесловесников подобающее обличение по преданию св. Восточной Церкви". В заключение патриарх приглашал всех: "Приидите, восплачем все пред Господом... поседем слезами да пожнем в радости, будем ниневитянами, а не содомлянами, изыдем из Содома и убежим в Сигор"; излагал довольно длинную покаянную молитву к Богу от лица своих духовных чад и снова призывал всех покаяться, оставить грехи и своими добродетелями привлечь на себя милость Божию. Нельзя не сознаться, что обе окружные грамоты Никона, нами рассмотренные, и особенно последняя, страждут многословием, повторениями, растянутостию и что самый слог в грамотах недовольно чист и правилен, а по местам и недовольно вразумителен - недостатки, которые заметили мы и в двух речах Никона, сказанных им на Московских Соборах 1654 и 1655 гг. С другими литературными трудами Никона, не относящимися к его проповедничеству, познакомимся впоследствии.

Никон сам не знал в детстве другой школы, кроме первоначальной, не обучался другим языкам и наукам, кроме славянской грамоты и письма. Но при своем светлом уме он понимал значение наук и научного образования и потребность для русских знания особенно греческого языка. И потому, лишь только сделался патриархом, он основал в Москве греко-латинское училище наподобие тех, какие существовали в Западной России. Ученый иностранец Адам Олеарий, в первый раз посетивший Москву в 1634 г., и потом посещавший ее еще несколько раз, и не раз дополнявший описание своего путешествия к нам, в издании этой своей книги 1656 г., где упоминает уже и о патриархе Паисии Иерусалимском, замечая, что он "лет шесть тому назад, именно в 1649 г., приезжал в Москву", и о патриархе Никоне, поместил следующее известие: "В настоящее время, к немалому удивлению, русское юношество по распоряжениям патриарха и великого князя начинают обучать греческому и латинскому языкам; для этого близ патриаршего двора учреждена уже латинская и греческая школа, которою заведывает и управляет один грек по имени Арсений... Чтобы учиться, у русских в добрых головах недостатка нет: между ними встречаются такие способные люди, одаренные ясным умом и хорошею памятью". Этот Арсений Грек был тот самый, которого вызвал Никон из Соловецкого монастыря, сделал своим библиотекарем и "устроил, по выражению Неронова, яко *учителя*, паче же к тиснению печатному правителя". Долго ли существовала греко-латинская школа после падения Никона и какие принесла плоды, сведений не сохранилось. Сам Никон, как свидетельствует Павел Алеппский, "очень любил греческий язык и старался ему научиться", будучи уже патриархом. Свое сочувствие и уважение к наукам и просвещению

Никон выразил также составлением своей библиотеки. В конце июля 1658 г., после того как Никон удалился с кафедры в Воскресенский монастырь, царь Алексей Михайлович приказал переписать патриаршую, домовую и келейную, казну и книги в патриаршем Казенном приказе и кельях патриарха, и при этом книг оказалось более тысячи. Много было тут книг славянских, письменных и печатных, - некоторые из них могли перейти от прежних патриархов. Еще более книг греческих, также письменных и печатных, - это преимущественно были книги, принесенные с Востока старцем Арсением Сухановым и купленные там на государевы деньги и соболи. Но немало находилось здесь книг греческих и греко-латинских, купленных на собственные келейные деньги патриарха Никона в Новгороде и состоявших под непосредственным заведованием Арсения Грека. В этой лично Никону принадлежавшей библиотеке встречаем весьма ценные книги, каковы: а) письменные: Номоканон греческий, харатейный, с толкованиями; девять Службников греческих, харатейных; три церковных Устава греческих; три книги Григория Богослова греческих, харатейных; б) творения знаменитейших отцов Церкви, изданные в западных типографиях на греческом и латинском языках или на одном латинском, именно: Дионисия Ареопагита, Иустина Философа, Григория Чудотворца, Климента Александрийского, Киприана, Кирилла Иерусалимского, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Григория Нисского, Кирилла Александрийского и др.; в) церковно-исторические книги, изданные там же на греческом и латинском языках: акты Соборов, Вселенских и Поместных; "История" Евсевия Кесарийского, Никифора Каллиста; История Флорентийского Собора и пр.; г) сочинения древних языческих писателей, изданные на тех же языках, как-то: Плутарха, Демосфена, Геродота, Страбона, Аристотеля. Все эти книги по окончании переписи их, как принадлежавшие Никону, были немедленно пересланы к нему в Воскресенский монастырь по приказанию государя, а из греческих книг, купленных Сухановым, одни пересланы были туда же, к Никону, другие же переданы справщику Арсению Греку.

Патриарх Никон весьма любил церковное богослужение, для которого столько потрудился при исправлении церковных книг и обрядов. Каждый день посещал все службы в своей домовой церкви и очень часто служил сам. Богослужение Никона отличалось необычайною торжественностью, особенно в большие праздники, когда он священнодействовал в соборной церкви. С ним обыкновенно служили несколько митрополитов и архиепископов, которые становились не рядом с ним, а по сторонам вместе с архимандритами и прочими священниками. А пока в Москве находились патриархи, Антиохийский и Сербский, Никон приглашал и их обоих к совокупному священнослужению и между ними всегда первенствовал, несмотря на то, что Антиохийский в порядке патриархов занимал высшее место. Главным из диаконов при богослужении Никона постоянно был архидиакон, и за ним уже следовал протодиакон. Число служащих с Никоном литургию, со включением и диаконов, начинаясь с 30, доходило до сорока и пятидесяти с лишком, даже до 75. Например, в 1655 г. на праздник святителя Петра, 21 декабря, служащих с Никоном было 42 человека; в следующем году на праздник Крещения Господня - также 42 человека, в

мясопустную неделю - 44 человека, в сырную - 30 человек; в неделю 5-ю по Пасхе (4 мая), когда происходило рукоположение Астраханского архиепископа Иосифа, - 54 человека; в неделю 7-ю по Пасхе, когда анафематствовали Неронова, - 56 человек; в 1657 г. на праздник Рождества Христова - 75 человек. Кроме своей торжественности богослужение Никона поражало еще, особенно иноземцев, своею продолжительностию и благочинием. Описывая первую литургию, которую совершал Никон в Успенском соборе вместе с двумя другими патриархами, Антиохийским и Сербским, в неделю мясопустную, когда пред литургиею совершен был и обряд воспоминания Страшного суда, Павел Алеппский свидетельствует, что, начавшись в три часа (по тогдашнему счету) с раннего утра, все богослужение продолжалось до сумерек, и прибавляет: "Души наши изнемогли от этой продолжительности; спаси и сохрани нас. Господи". А описывая затем другую литургию, в неделю православия, когда после Трисвятого происходил и обряд православия, тот же Павел говорит: "Мы вошли в церковь, когда колокол ударил три, а вышли из нее не ранее десяти, проведши таким образом около семи часов на ногах на железном помосте под влиянием сильной стужи и сырости, проникавшей до костей... И патриарх не удовольствовался еще только службою и прочтением длинного синаксаря, но присоединил и длинное поучение. Боже, даруй ему умеренность. Как сердце его не чувствовало сострадания ни к царю, ни к малым детям? Что сказали бы мы, если бы в наших странах было это? О, если бы Господу угодно было послать нам такое терпение и крепость!" Впрочем, жалуясь на продолжительность службы в неделю православия, Павел вместе с тем сознается: "Мы были поражены изумительною правильностию и порядком всех этих церемоний и священнодействий. Несмотря на то что мы чувствовали сильный холод и великую усталость вследствие долгого стояния без движения, мы забывали об этом от душевного восхищения, созерцая такое торжество православия и внимая прекрасному чтению архидиакона, который произносил слова хотя сдержанно, но голосом густым, приятным и увлекательным".

Будучи человеком атлетического сложения, полный сил, крепости и здоровья, казалось, Никон не знал усталости. Случалось, что царь приглашал его и патриарха Макария к себе на торжественный обед (в день именин царевича, на праздник Рождества Христова и др.); обед начинался в полдень и продолжался почти до полуночи и далее. И после такого обеда Никон прямо из царских палат отправлялся вместе с царем в Успенский собор к заутрене, к изумлению сирийцев, и оставался там за богослужением до рассвета. Однажды оба патриарха совершили литургию в женском монастыре святого Саввы, недавно устроенном в Москве для монахинь, переселившихся из Смоленска и Могилева, и из монастыря поехали к обеду в один из загородных домов Никона, в семи верстах от Москвы. Обед был роскошный и многолюдный: тут находились вельможи, архиереи, архимандриты, священники и даже дьяконы. Но лишь только окончился этот званый обед, Никон поспешил в Москву и при звоне колоколов отправился прямо в соборную церковь к вечернему богослужению, так что Павел архиdiaкон невольно воскликнул в своем дневнике: "Какое удивительное терпение и крепость!". Поражал также Никон пышностию и великолепием своих одежд, в каких являлся совершать и

совершал церковные службы. Его мантия была зеленого бархата с источниками из белой тесьмы с красною полоскою посредине; скрижали на мантии - малинового бархата с изображениями на них херувимов, вышитыми золотом и жемчугом. На белом клобуке патриарха вверху утвержден был крест на круглом золотом подножии, украшенный драгоценными камнями и жемчугом; с передней стороны изображение херувима, низанное жемчугом; на воскрилиях такие же изображения с драгоценными камнями.

О богатстве саккосов патриарха Никона дают понятие те из них, которые сохранились доныне в Московской патриаршей ризнице. Один из этих саккосов, аксамитный золотной, низанный жемчугом и украшенный сребропозлащенными дробницами и разноцветными камнями, пожалован Никону в 1653 г., апреля 3-го, царем Алексеем Михайловичем в придворной церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Другой, атласный золотной, низанный кафимским жемчугом, поднесен Никону в том же году, в месяце мае, от имени царя и царицы в государевом селе Коломенском. Третий, тканый пряженным золотом и с обеих сторон обнизанный сверху донизу кафимским жемчугом, сделан для Никона по повелению царя и царицы в 1-й день октября 1655 г. Четвертый, аксамитный золотной, петельчатый, низанный по черному бархату кафимским жемчугом, подарен Никону государем по боярине Никите Ивановиче Романове. В Записной книге священнослужений патриарха Никона упоминается еще, что в 1656 г., на самый праздник Богоявления, когда у царя был стол для всего духовенства, тотчас по окончании стола поднесен был Никону в дар от царя "сак греческой, аксамитной, красной, петельчатой" и что 2 июля того же года на Никоне, служившем у Риз положения, был "сак алтабасный государини царицы". Не ограничиваясь царскими подарками, Никон устраивал себе саккосы и сам. На праздник Пасхи (15 апреля 1655 г.), говорит Павел Алеппский, Никон надел на себя саккос, недавно устроенный по заказу его, из желтой венецианской парчи, вышитой чистым золотом, аршин которой стоил более пятидесяти динариев (рублей); саккос этот по всем краям на четыре пальца ширины усыпан был крупным жемчугом и драгоценными камнями высокой цены. Он стоил будто бы более тридцати тысяч динариев и был невыносимо тяжел; один епитрахиль при нем, усаженный жемчугом, весил целый пуд, так что Никон при всей своей крепости оставался в этом саккосе только до окончания канона, а потом вошел в алтарь и надел на себя саккос полегче. На праздник Рождества Христова в том же году Никон возложил на себя новый саккос, который стоил ему, как говорили, семь тысяч золотом. "Подобных вещей у него, - замечает Павел, - более ста. хранящихся с самых древних времен, да и сам Никон к этим прежним беспрестанно присоединяет все новые". Точно так же, как четыре саккоса, сохранились в Патриаршей ризнице и четыре митры патриарха Никона, которые все усыпаны жемчугом и драгоценными камнями и все подарены были Никону от государя. Первая, известная под именем средней митры (в 6 У, вершка), подарена от царя и царицы 28 марта 1653 г. Вторая, называвшаяся большою митрою (в 7 вершка), - также от царя и царицы 20 октября того же года. Третья, которую называли короною (в 6 вершков), устроена была по заказу царя Алексея Михайловича в Константинополе под наблюдением самого патриарха Иоанникия, привезена в

Москву Мануилом греком в феврале 1654 г. и подарена была Никону государем от имени царевича Алексея Алексеевича в день Успения Пресвятой Богородицы - за эту митру заплачено государем 1230 рублей. Четвертая, известная под именем большой короны (в 6 $\frac{3}{4}$ вершка), подарена в вечную память боярина Никиты Ивановича Романова 1 июня 1655 г. Две последние митры назывались коронами, потому что вокруг той и другой над нижним обручем помещена корона. Из Записной книги священнослужений патриарха Никона видно, что он нередко облачался и в саккосы своих предместников-патриархов и митрополитов, особенно митрополита Фотия, и что вообще облачение Никона различалось троякое: большое, среднее и меньшее. Вот, например, как описывается каждое из них: в 10-й день декабря 1655 г., когда встречали государя, возвращавшегося из Литвы, на Никоне "облаченье было большое: стихарь красный камчатой, пояс, и патрахиль, и поручи большие, и палица большая жемчужная, сак фотиевской большой, амофор новый большой, низан по золоту, митра большая, панагия келейная со алмазы". В 21-й день декабря того же года, на праздник святителя Петра, Никон "облачался в большое облачение: сак был новый, аксамитной, большой, амофор новый, большой, золотой, митра большая, панагия цареградская, крест яхонтовый". В навечерие Рождества Христова в том же году Никон облачался "в среднее облачение: сак был спаской, и митра средняя, и амофор средний". На вечерне под 2 февраля у Сретения, вверху (во дворце) облачался "в греческое облачение меньшее, а была на нем корона, а не митра". На вечерне под 3 февраля того же года у Екатерины мученицы, вверху на патриархе "облачение было меньшее и корона", а на всенощной "облачение среднее, сак персидской бархатной, что сделай в Вязьме".

Стараясь исправлять наши богослужебные книги по старым спискам и во всем согласовать наше богослужение с греческим, Никон не раз показывал любовь свою к этим старым спискам и греческому богослужению при самых своих священнодействиях. В 1656 г., апреля 29-го, он совершал в Успенском соборе молебствие, отпуская воевод на государеву службу, князя Алексея Никитича Трубецкого со товарищи, и при этом "молитвы отпускные говорил по киприановскому Требнику". В 23-й день июня того же года, совершив крестный ход в Сретенский монастырь и оттуда обратно в Успенский собор, Никон прочитал здесь "молитву в Потребнике киприановском". В 1657 г., сентября 1-го, патриарх совершил обряд новолетия на площади "по Чиновнику печатному против прежнего (т. е. согласно с прежним) и против Потребника киприановского". Еще чаще Никон допускал, чтобы или все богослужение, или некоторые части его отправляемы были у нас по-гречески. Устроив на подворье своего Иверского монастыря в Москве церковь, он просил освятить ее Антиохийского патриарха, чтобы видеть, насколько греческий чин освящения сходен с русским. В назначенный для освящения день, 27 мая 1656 г., Никон со всеми властями облачился в церкви трех святителей, что у него на сенях, и пошел крестным ходом к Лобному месту, приказав нести в числе других икон и Иверскую икону Богоматери, приготовленную и богато украшенную им для Иверской обители. Совершив на Лобном месте обычное осенение, отправился в Посольскую улицу к Иверскому подворью. Здесь навстречу из церкви

Пафнутиевского подворья вышел патриарх Макарий с своими греческими властями, неся на главе святые мощи. Оба крестные хода соединились, вошли в Иверское подворье и три раза обошли вокруг новой церкви. Затем Макарий совершил освящение церкви, причем пели все его греческие старцы, а "архидиакон Московского патриарха и несколько писцов тут же записывали, как шла вся эта церемония". По окончании освящения, отпустив крестный ход в Успенский собор, Никон вместе с Макарием совершил в новоосвященной церкви литургию, в продолжение которой все читалось и пелось только по-гречески. В декабре того же года, когда Антиохийского патриарха Макария уже не было в Москве, патриарх Никон ездил в Вязьму для встречи государя царя, возвращавшегося с войны, и, встретив, провожал его с крестным ходом в царские хоромы, причем певчие дьяки по приказу патриарха и в продолжение всего пути и в царских хорах пели по-гречески. В 1657 г., сентября 5-го, Никон служил после вечерни торжественный молебен в Чудовом монастыре накануне его храмового праздника, и канон пели протопопы по-гречески, а на самый праздник за всенощной тропарь и седальны воскресные пели по-гречески певчие, дьяки и подьяки. Сентября 14-го, на Воздвижение, когда Никон воздвигал крест в Успенском соборе, певчие пели и по-славянски и по-гречески. Октября 1-го, во время крестного хода из Успенского собора в Покровский монастырь, в присутствии патриарха и царя некоторые песни певчие пели по-гречески. Декабря 25-го, на праздник Рождества Христова, во всенощной канон пели дьяки-певчие по-гречески. В 1658 г., во время служения Никона даже в придворных церквах, 12 января и 2 февраля, канон за всенощной певчие пели по-гречески и пр. Как ни строг был Никон в исполнении обрядов и церемоний, принятых всею Восточною Церковью, но в обрядах местных, существовавших только у нас, вроде шествия на осляти в неделю ваий, он позволял себе действовать по своему усмотрению. В 1655 г. Никон совершил этот обряд сходно с тем, как совершался он прежде. В Вербное воскресенье, облачившись в полное облачение пред литургией в соборной церкви, вместе с многочисленным духовенством он вышел из нее западными дверями и тут же сел на приготовленное осли (вернее - лошадь, совершенно закрытую белым саваном, кроме глаз), держа в левой руке Евангелие, а в правой крест. И затем двинулся в путь со всем крестным ходом, в котором участвовал и Антиохийский патриарх Макарий, при несметных толпах народа, причем вербное дерево везено было впереди. Когда шествие приблизилось к церкви Входа во Иерусалим (один из приделов Покровского собора), Никон сошел с осляти, вошел в церковь, прочел в ней праздничное Евангелие, приложился к иконе праздника и, вышедши из церкви, снова сел на ослия и отправился прежним путем со всем крестным ходом в Успенский собор, где и совершил литургию. Но в следующем (1656) году Никон поступил иначе. Из соборной церкви в Вербное воскресенье он не поехал на осляти к церкви Входа во Иерусалим, а пошел пешком во главе крестного хода и, совершив краткое молебенствие в этой последней церкви, пошел из нее также пешком к Лобному месту. На Лобном месте велел архидиакону читать Евангелие о Входе Спасителя во Иерусалим, и, когда архидиакон произнес: *Обрет же Иисус ослия, седе на не* (Ин. 12. 14), протопоп и протодиакон подвели к Никону ослия. Он сел на ослия и от Лобного места

совершил обычное шествие в Успенский собор. Замечательно также, что Никон, несмотря на происходившие у нас жаркие споры о прилоге "и огнем" в известной молитве на водоосвящение, окончившиеся исключением этого прилога из молитвы, удерживал, однако ж, самый обряд. Накануне Богоявления, в 1655 г., освящая воду на реке Москве, он тотчас после троекратного погружения святого креста "взял три больших восковых свечи и, обернув их вниз, погрузил в воду с огнем, и они там погасли".

Любовь свою к храмам и святым иконам Никон показал, когда созидал храмы в трех своих монастырях, Иверском, Крестном и Воскресенском, и когда для первого устроил икону Иверской Божией Матери в 14000 рублей, а для второго большой крест с множеством святых мощей и драгоценных украшений. Ту же любовь он показал и при устройении церквей в своих новых каменных палатах. Эти палаты, которые заложил Никон, как только сделался патриархом, подле прежних патриарших покоев и для сооружения которых вызвал лучших немецких мастеров, строившиеся три года и стоившие, как говорили, до пятидесяти тысяч рублей, были предметом удивления для современников. (Кроме каменных великолепных палат Никон тогда же построил для себя на патриаршем дворе и зимние, весьма уютные, деревянные хоромы.) Внизу каменных палат наиболее замечательны были семь присутственных зал, о которых мы уже упоминали, а во втором этаже особенно поражала огромная зала, не столько своею величиною и богатством украшений, сколько чрезвычайно пространном сводом, не опиравшимся ни на каком столбе, называвшаяся крестовою палатою (где ныне мироваренная). В самой середине второго этажа Никон устроил церковь во имя святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, благолепно украсил ее и в ней большею частию и присутствовал при богослужении; над дверями в эту церковь он поместил иконы названных святителей, а внутри ее - портреты всех шести Русских патриархов, бывших до него, следовательно и Игнатия, и свой собственный. Другую благолепную и величественную церковь во имя Пресвятой Троицы устроил в той части второго этажа, которая окнами обращена на площадь к Чудову монастырю (где ныне церковь святых дванадцати апостолов). Еще две церкви, неизвестные по имени, устроил вверху, в третьем этаже здания, где были комнаты для диаконов, возвышавшиеся над всем городом. Новые палаты патриарха Никона с их церквями совершенно окончены были к концу 1655 г., и 22 декабря он светло отпраздновал свое в них новоселье. При описании в 1658 г. домовою казны и утвари патриарха Никона в палатах его оказалось изумительное множество святых икон и крестов, в том числе униженных жемчугом и драгоценными камнями, хотя, конечно, нельзя утверждать, чтобы все эти иконы были приобретены или устроены самим Никоном: часть из них могла перейти к нему от прежних патриархов, а другая часть могла образоваться из тех икон, какие были подносимы ему архиереями и настоятелями монастырей и церквей, равно и другими лицами при разных случаях. Мы уже упоминали, как ратовал Никон против икон латинского письма, которые начали было входить у нас в употребление, и требовал, чтобы наши иконописцы неизменно держались древних греческих подлинников и образцов; не менее ратовал он и против неблагочинного употребления

православных икон. Существовал у нас тогда обычай, по которому христиане, как бы не довольствуясь теми иконами, какие находились в их приходской церкви, приносили еще в нее каждый свою икону. Этими иконами увешивались все стены церкви, не только боковые от алтаря, но и противоположные ему. Каждый ставил свечу перед своею иконою и перед нею молился, не позволяя того другим. От этого происходило, что когда присутствующие в церкви начинали класть поклоны перед своими иконами, то все смотрели врозь и обращались к алтарю и друг к другу одни боком, другие даже задом, и нарушалось единство в церковной молитве. Никон строго запретил такое чествование святых икон и велел вынести из церквей все иконы, принадлежавшие частным лицам и развешанные по стенам, несмотря на ропот и неудовольствие невежественных людей.

Как правитель Церкви Никон отличался неустанною деятельностью. Начальники всех семи присутственных зал, или приказов, находившихся под его палатами, ежедневно являлись к нему с своими докладами, на которые он тотчас же и давал свои решения. А те просьбы, которые принимал он лично, когда шел в церковь или из церкви, он читал сам и писал на них свои резолюции. Сам испытывал всех ставленников для своей обширной епархии. Они обыкновенно являлись в ту из присутственных палат, которая назначена была для разбирательства дел белого духовенства и находилась под управлением патриаршего казначея, и здесь подавали свои просьбы и документы. Когда просителей собиралось от двадцати до тридцати, казначей представлял всех их с их бумагами патриарху Никону. Никон обходил их с книгою, заставлял каждого читать и петь и тут же полагал свои резолюции на их просьбах: одних удостоивал просимого сана, другим отказывал в просьбе. Для дел более важных или касавшихся всей Церкви Никон часто, как мы видели, созывал Соборы. На одном из этих Соборов, бывшем в октябре 1656 г., была учреждена новая епархия - Вятская. Вятка со всем ее округом доселе состояла в епархии патриарха и, будучи очень удалена от Москвы, нуждалась в особом архипастыре, между тем как в Коломне, довольно близкой к Москве, находился самостоятельный епархиальный епископ. Потому решено было открыть в Вятке епископскую кафедру и переместить на нее Коломенского епископа Александра, самую же епархию Коломенскую закрыть и присоединить ее к области патриаршей. В состав Вятской епархии кроме страны Вятской отделены были из Вологодской епархии Великая Пермь, Чердынь и Соль Камская с уездами, а взамен того к Вологодской перечислены частию из патриаршей, частию из Ростовской епархии Белоозеро, Чаропский округ и Пошехонье с уездами. Учреждение Вятской епархии действительно вызвано было нуждою, но не было никакой нужды закрывать епархию Коломенскую и присоединять ее к патриаршей. Коломенская епархия существовала уже более трех столетий; епархий у нас было очень мало и недостаточно, судя по количеству народонаселения, а епархия патриаршая и без того была слишком обширна. Не без основания подозревали Никона, что он хотел только воспользоваться имуществом и вотчинами Коломенской кафедры и увеличить доходы с своей епархии чрез присоединение к ней Коломенской, а с другой стороны, хотел показать свое неблаговоление к епископу Коломенскому Александру, тайно

враждовавшему против новоисправленных книг, переместив его из благоустроенной и обеспеченной епархии в новую, где долго не было своего помещения ни у епископа, ни у его свиты, и на прокормление его дана была только одна вотчина - Бобинский стан да Предтеченский монастырь в городе Котельниче. Александр неохотно покорился новому своему назначению и прибыл на Вятку в город Хлынов только 4 апреля 1658 г. Для наблюдения за духовенством в Москве Никон имел своего рода полицию. Его подьяки ходили по всем соборам и церквям, и если кого из причта не было в церкви или там происходило какое бесчиние, то виновные немедленно подвергались наказаниям, а патриаршие стрельцы постоянно ездили по улицам города и, лишь только встречали пьяного священника или монаха, тотчас тащили его в темницу, где на ноги и на шею накладывали ему кандалы и приковывали его к тяжелой колоде. Никон не давал пощады никому: ни протопопам, ни настоятелям монастырей, ни самим архиереям - и, например, Сибирскому архиепископу Симеону на целый год (с 25 декабря 1656 г. по 25 декабря 1657 г.) запрещал священнослужение за то, как можно догадываться, что он несправедливо предал проклятию одного из дьяков своих, Ивана Струну, и жестоко поступил с боярским сыном Бекетовым, несчастно скончавшимся. Из частных распоряжений Никона нельзя не упомянуть о распоряжениях его относительно татей, разбойников и всяких воровских людей. В 1656 г. он приказал в отсутствие государя из Москвы разослать (от 16 августа) грамоты по всей России и объявить по городам и селам, на площадях и торжищах, на улицах и перекрестках и в других местах, чтобы тати, разбойники и всякие воровские люди без боязни являлись к местным воеводам, старостам и в съезжие избы и приносили покаяние в своих винах пред Богом и государем и что если они таким образом покаются, то государь пожалует их, не велит их казнить, а вместо смерти дарует им живот. Когда же с течением времени оказалось, что эта кроткая мера не принесла пользы, то Никон, рассчитывая подействовать на тех же самых людей страхом, запретил священникам принимать от них исповедь и удаивать их святого причастия даже пред смертью, на которую они будут осуждены, за что и сам впоследствии на Соборе 1667 г. подвергся осуждению.

Но не одною строгостию и суровостию по делам церковного управления и суда Никон возбуждал против себя недовольство, особенно в духовенстве. В челобитной, поданной царю в 1658 г. неприязненными Никону лицами, на управление его высказывались еще следующие жалобы: 1) отменил он прежние пошлины с духовенства за поставление на церковные степени, а установил новый порядок: велел ставленникам привозить отписки от своих местных десятильников и поповских старост, но для этого тратится каждым ставленником от двух до четырех недель, да на харч рубль и два. Прибыв с отписками в Москву, ходят ставленники на патриарший двор, ждут там до глубокой ночи да насилу недели в две дождутся слушанья, т. е. испытанья, и затем проживают в Москве еще по 15 и по 30 недель, пока будут поставлены, так что поповство обходится по пяти и по шести рублей кроме харчей и посулов архидакону и дьякам. 2) При прежних патриархах, кроме Иосифа, ставленники все ночевали в хлебной патриаршей безденежно и невозбранно ходили рано и

поздно до самых крестовых сеней патриарха, к казначею, ризничему, в Казенный приказ, а зимою порою все дожидались в крестовой. Теперь совсем не то: страшно приблизиться и к воротам патриарха, которые постоянно заперты; священники не смеют входить к нему даже в церковь, чтобы принять благословение, а ставленникам не велят стоять и в сенях, и зимою мучатся бедные на крыльце. 3) По отдаленности некоторых мест патриаршей епархии от Москвы прежде попы ставились там от ближайших соседних архиереев и получали перехожие в местных десятильнических дворах. Патриарх Иосиф, желая собрать себе имение, запретил это и велел всем ставиться и получать перехожие в самой Москве, что соединено для духовенства с крайними издержками и тратою времени. Того же самого постоянно держится и Никон. 4) Велел Никон во всей своей области по городам и уездам переписать духовенство и вновь обложил данью: назначил с попова двора по восьми денег, с дьяконова по алтыну, с дьячкова, Пономарева и просвирнина по грошу, с нищенского по две деньги, с четверти земли по шести денег, с копны сена по две деньги и пр. Насколько верны все эти жалобы против Никона и нет ли тут преувеличений, определить нет возможности.

Недолго управлял Церковью патриарх Никон: всего шесть лет. Но надобно удивляться, как и шесть лет мог он устоять на высоте своей святительской кафедры. С самого вступления на нее он принялся за исправление церковных книг и обрядов на основании древних греческих и славянских рукописей и вел дело с такою горячею ревностию и непреклонностию воли. Но истинное значение этого дела, его важность и настоятельную нужду для Церкви понимали тогда у нас вполне кроме самого Никона только весьма немногие. Все другие или мало понимали, или вовсе не понимали и покорялись Никону кто лишь по чувству страха пред ним, кто по чувству уважения к церковной власти, в частности - к власти Восточных патриархов и Соборов, принимавших участие в этом деле. Некоторые же тотчас открыто протестовали против предприятия Никонова и говорили, что наши церковные книги, изданные при прежних патриархах, вовсе не требуют исправлений и содержат истинную православную веру, которою спасались наши предки, что Никон не правит, а портит книги, искажает старую веру и вводит новую, что он еретик - враг Божий. И при том грубом невежестве, какое господствовало у нас, при всеобщей слепой привязанности к церковным обрядам, как будто в них заключается самая вера, этот протест нашел себе тайное сочувствие во всех слоях нашего общества и всюду возбуждал неприязнь и ненависть к Никону. А те крутые и суровые меры, какие поспешил он употребить против своих противников (увы, Никон в этом отношении не был выше своего века), только еще более усилили общее сочувствие к мнимым страдальцам за веру и ненависть к их гонителю. Неудивительно, если в среде этих мнимых страдальцев, ожесточенных врагов Никона, весьма рано возникла мысль, как бы свергнуть его с патриаршего престола, и если главнейший из них - Неронов, имевший большие связи в самой Москве и даже при дворе государевом, еще в 1654 г. с уверенностию публично произнес в Вологде известные уже нам слова о Никоне: "Да будет время, и сам из Москвы побежишь никем же гоним, токмо Божиим изволением; да и ныне всем вам

говорю, что он нас посылает вдаль, а вскоре и самому ему бегать". Возревновал Никон против икон латинского письма, но и тут поступил слишком круто и резко. Велел насильно отобрать латинские иконы из всех частных домов и на одних иконах совсем выскоблить лики святых, на других выколоть им глаза и в таком виде носить иконы по улицам Москвы. Православные, глубоко чтившие святые иконы и большею частию не умевшие хорошо различать своих икон от латинских, были поражены и увидели в Никоне иконоборца. И когда вскоре за тем в Москве открылся страшный мор, то толпы народа явились на площадях Кремля и, держа в руках иконы, выскобленные по приказанию Никона, вопили: вот за что постиг нас гнев Божий, так поступали иконоборцы, во всем виноват Никон, мирские люди должны постоять за такое поругание святыни. Никона хотели убить, и, может быть, благодаря тому одному, что его не было тогда в Москве, он спасся от неминуемой смерти.

Кроме этих общих причин, возбуждавших более или менее всех против Никона, духовенство и бояре имели еще особые побуждения питать к нему чувства неприязни. Над духовенством Никон властвовал с неограниченною волею и деспотически. Он держал себя высоко и малодоступно по отношению не только к низшему клиру, но и к самим архиереям: не хотел называть их братьями, особенно тех, которые от него получили рукоположение, не уважал их сана, что особенно показал в своем известном поступке с епископом Коломенским Павлом, нарушал их права, отнимая у них монастыри и приходские церкви, которые приписывал к своим излюбленным монастырям и брал под свою непосредственную власть. С беспощадною строгостию и суровостию преследовал всех в среде белого и монашеского духовенства, кого считал виновными в чем-либо, постоянно наполнял ими свои темницы и наполнил даже отдаленные монастыри Сибири, которые до Никона были почти пусты. Все страшилось его, трепетали пред ним и, без сомнения, были бы рады как-нибудь освободиться из-под его тяжелого ига. Для бояр невыносимым казалось уже то, что Никон возвышался над всеми ими своею близостию к государю, своим преобладающим влиянием в советах государя, своею необычайною властью, какой облек его государь. Но еще невыносимее было то, как проявлял Никон над ними эту свою власть, как гордо и повелительно обходился с ними. Еще в бытность его Новгородским митрополитом они говорили: "Неколи-де такого бесчестья не было, что ныне государь выдал нас митрополитом". Что же должны были они чувствовать, когда Никон сделался патриархом и как бы вторым "великим государем", начал давать свои приказы и указы, особенно в отсутствие государя, заставлял их стоять пред собою и с покорностию выслушивать его волю, публично обличал их за то или другое, не щадя их имени и чести? Могли ли они не употреблять всех своих усилий, чтобы свергнуть Никона?

Все могущество Никона основывалось на благоволении к нему государя. Царь-юноша с первого знакомства с Никоном подчинился его влиянию и предался ему всею душою. И эта преданность с течением времени не только не уменьшалась, но еще увеличивалась. Царь более и более облакал его своим доверием, честью и властью и удостоивал его называть даже своим "собинным

другом". Но Никон при всем своем уме не умел поставить себя на такой высоте, как следовало бы, по отношению к своему царственному другу. Не умел сдерживать своей необузданной гордости и властолюбия и с упорством оставался верен тому началу, которое высказал еще при избрании его на патриаршую кафедру, т. е. чтобы сам царь слушался его во всем как патриарха. В самой дружбе с царем Никон желал быть лицом господствующим и позволял себе такие действия, которые не могли не оскорблять государя, и, повторяясь нередко, неизбежно должны были вести к столкновениям, к размолвкам и взаимному охлаждению друзей, и наконец привести к разрыву. Мы знаем два-три таких случая, но их было, судя по непреклонному характеру Никона, наверно гораздо больше. Первый случай был торжественный, при избрании Никона на патриаршество, когда он не внял никаким мольбам и убеждениям государя, вынудил его пасть пред собою на землю и исторгнул у государя, как и у всех бывших в соборной церкви, клятвенное обещание покоряться во всем новоизбранному патриарху.

В минуты возбуждения царь, конечно, не понимал, до какого всенародного унижения довел его Никон, но потом, в минуты спокойствия, не мог не сознать этого и не испытать чувства горечи. Прошел год, и Никон до того уже зазнался, что в присутствии целого Собора сказал протопопу Неронову, когда тот напомнил ему о царе: "Мне-де и царская помощь негодна и ненадобна, да тако-де на нее и плюю и сморкаю". Разумеется, никто из присутствовавших на Соборе не осмелился подтвердить этого, боясь Никона, и Никон старался уверить государя, что это клевета Неронова, но Неронов не переставал и впоследствии утверждать, как в письмах к самому государю, так и в своей челобитной Собору 1667 г., что Никон действительно учинил такое поругание царского величества. Прошло еще более двух лет. Никон постановил с Собором, чтобы на праздник Богоявления по всей России водосвятие совершалось вместо двух раз только однажды, накануне праздника. Антиохийский патриарх Макарий всячески убеждал не делать этого, не отступать от древнего обычая. Никон настоял на своем и выпросил у государя согласие на издание указа в том смысле, в каком желал, не сказав государю о несогласии и протесте Макария. Но лишь только Макарий уехал из Москвы (25 марта 1656 г., в воскресенье шестой седмицы Великого поста), кто-то открыл государю всю правду, и государь, полагавший доселе, что Никон поступил так с согласия и по совету Макария, чрезвычайно огорчился и на Страстной седмице, в Великую пятницу, после вечерни завел в церкви с Никоном горячий спор, в жару которого воскликнул: "Мужик, б... сын, глупый человек!" Никон возразил: "Я твой духовный отец, как же можешь ты так унижать меня?" Царь отвечал: "Вовсе не ты мой отец, а святой патриарх Антиохийский - вот кто подлинно мой отец, и я сейчас же пошлю воротить его с дороги". И действительно послал. Это рассказали Макарию при въезде его в Москву на Фоминой неделе встретившиеся ему греческие купцы, присовокупив, что главною причиною того спора было высокомерие патриарха Никона, его грубость и чрезвычайная надменность. И то обстоятельство, что царь именно в Великую пятницу и после вечерни послал гонца догонять Макария и воротить его, делает рассказ этот весьма вероятным, свидетельствуя, что с царем случилось тогда что-то

особенное, если он решился в такой великий и святой день и в такое время дня (после вечерни) послать за Макарием, находившимся уже в Волхове, хотя сам царь ничего не сказал об этом Макарию по возвращении его в Москву, вероятно еще прежде примирившись с Никоном по случаю наступившего праздника Пасхи. Не надобно также забывать, что царь-юноша, подпавши под сильное влияние Никона, с каждым годом мужал и становился зрелее, что почти два года он провел на войне, вдали от Никона, и успел довольно отвыкнуть от него и от его непосредственного водительства, успел приобрести более опытности и знания людей и что эта война, сопровождавшаяся необычайными успехами, покрыла царя великою славою и возвысила его в его собственных понятиях, так что он естественно сделался чувствительнее к прерогативам своей власти и ко всякому ее умалению или оскорблению и не мог уже по-прежнему переносить горделивых притязаний патриарха Никона. Сам Никон писал впоследствии к Цареградскому патриарху Дионисию: "Тогда (т. е. по окончании литовской войны) нача (царь) помалу гордети, и выситися, и нами глаголемая от заповедей Божиих презирати, и во архиерейския дела вступатися". И можно судить, как должны были подействовать на царя слова, которые сказал ему в начале 1657 г. Неронов в Успенском соборе, указывая на Никона: "Доколе, государь, тебе терпеть такого врага Божия? Смутил всю землю Русскую, и твою царскую честь попра, и уже твоей власти не слышат - от него, врага, всем страх" А подобные слова могли теперь говорить царю и другие, особенно из окружающих его бояр, когда заметили некоторое охлаждение его к патриарху. Алексей Михайлович не вдруг, впрочем, изменил свои отношения к прежнему любимцу. В 18-й день октября 1657 г. царь еще приезжал по приглашению Никона в его новую обитель, Воскресенскую, на освящение церкви со всем своим семейством и синклитом, провел здесь два дня, был очень внимателен к хозяину и, когда отъехал, благодарил его письмом, в котором называл его по-прежнему великим государем, самую обитель назвал Новым Иерусалимом, не отказываясь и впредь посещать ее. А ровно через месяц, 18 ноября, Никон писал в свою Иверскую обитель, что царь хочет пожаловать в нее после праздника Рождества Христова, и приказывал приготовить для встречи царя речи, певчих и все пр. Но дней через десять извещал уже, что в наступившую зиму царь Алексей Михайлович в монастырь Пречистой Богородицы Иверской "идти не изволил", почему и всякие приготовления для приема его должны быть прекращены. Даже в марте и апреле следующего 1658 г. царь еще жаловал по просьбе Никона новые села и уголья на его монастыри Крестный и Воскресенский. А в первых числах июля началась уже между царем и патриархом открытая распря.

В 6-й день июля Алексей Михайлович давал торжественный обед в честь прибывшего в Москву грузинского царевича Теймураза и против обыкновения не удостоил позвать на этот обед патриарха Никона с духовными властями, чем явно показал свое к нему неблаговоление. Никон послал своего боярина, князя Дмитрия Мещерского, наблюдать при встрече царевича среди собравшейся толпы "чин церковный", т. е. чтобы кто-либо из духовенства не произвел какого-либо бесчиния. Царский окольничий и родственник Богдан Матвеевич Хитрово, расчищавший путь для царевича, может быть, ненамеренно ударил в толпе этого боярина палкою по голове без пощады. "Напрасно ты

бьешь меня, Богдан Матвеевич, - сказал патриарший боярин, - мы пришли сюда не просто, а с делом". "Да кто ты такой?" - спросил окольничий. "Я патриарший человек и послан с делом", - отвечал князь Димитрий. Тогда Хитрово закричал: "Не величайся" - и ударил его по лбу так, что причинил ему большую язву. Боярин поспешил к патриарху, показал ему свою язву и со слезами жаловался на Хитрово. Никон написал к царю своею рукою и просил наказать виновного, а иначе грозил отметить ему своею духовною властью. Царь также прислал Никону собственноручное письмо с Афанасием Матюшкиным, и, когда Никон не удовлетворился, прислал ему и другое письмо, и обещался лично увидеться с патриархом. Но свидания не последовало. Через два дня, 8 июля, наступил праздник в честь Казанской иконы Богоматери. В прежние годы на этот праздник царь всегда бывал со всем своим синклитом в Казанском соборе за вечерней, утреней и литургией. Ожидали, что будет и теперь. И когда зазвонили к вечерне, Никон, отправившись сам в собор, послал по обычаю одного из пресвитеров известить государя о церковной службе, но царь к вечерне не пришел. Не пришел потом ни к заутрене, ни к литургии, несмотря на такие же приглашения со стороны патриарха. Никон понял, что царь на него "озлобился". Спустя еще два дня, 10 июля, настал другой праздник - в честь Ризы Господней, в который прежде государь также всегда присутствовал с своим синклитом на всех церковных службах в Успенском соборе. Послал и теперь Никон пред началом вечерни доложить о ней государю, но государь не пожаловал к вечерне. Послал Никон к царю и пред заутреней, но царь и к заутрене не захотел прийти. Только после заутрени прислал к Никону князя Юрия Ромодановского, который сначала сказал ему: "Царское величество на тебя гневен, потому и к заутрене не пришел, и не велел ждать его и к литургии". А потом прибавил уже именем самого государя: "Ты пренебрег царское величество и пишешься великим государем, а у нас один великий государь - царь". Никон отвечал: "Я называюсь великим государем не собою - так повелел называться и писаться мне его царское величество; на это мы имеем свидетельство - грамоты, писанные его царскою рукою". Князь Юрий продолжал: "Царское величество почтил тебя как отца и пастыря, но ты не уразумел. И ныне царское величество повелел сказать тебе, чтобы впредь ты не писался и не назывался великим государем и почитать тебя впредь не будет". Таким образом, Никону прямо было объявлено, за что гневается на него царь и чего от него требует. И если бы Никон смирился, покорился воле государя, принес повинную и дал обещание измениться на будущее время, то дело мало-помалу могло бы уладиться и Никон спас бы как себя от горькой участи, какая его постигла, так и всю Церковь от тех смут и волнений, какие в ней последовали. К несчастью, Никон по своему характеру и привычкам был не такой человек, чтобы уступить и покориться. Он захотел, чтобы ему уступили и покорились, решил отказаться торжественно, пред всею Церковью, от своей кафедры, рассчитывая, что сам царь станет просить и умолять его не отказываться.

Утром того же 10 июля дьяк патриарха Никона Иван Калитин как-то узнал о намерении его оставить патриаршью кафедру и начал было говорить ему, чтоб не оставлял, но Никон не захотел и слушать. Калитин поспешил известить служившего прежде в боярах у патриарха Никона и глубоко

преданного ему боярина Никиту Алексеевича Зюзина, и последний велел его именем сказать патриарху, "чтобы он от такого дерзновения престал и великого государя не прогневил, а буде пойдет (с кафедры) нерассудно и неразмыслив дерзко, то впредь, хотя бы и захотел возвратиться, будет невозможно: за такое дерзновение надобно опасаться великого государева гнева". Никон было поколебался от этих слов и стал что-то писать, но, написав немного, разорвал бумагу и сказал: "Иду-де". Начался благовест к обедне. Духовные власти по обычаю пришли в крестовую патриарха, чтобы встретить его и провожать в соборную церковь. Никон велел прийти и иподьяконам и подьякам в новых больших стихарях и сказал: "Пусть проводят меня в последний раз". Потом, взяв посох Петра чудотворца, пошел в церковь и потребовал здесь, чтобы его облачили в саккос святителя Петра и омофор Шестого Собора, которые не были приготовлены, а находились на царево-борисовском дворе в палатах. Иподиаконы много раз бегали туда, но приносили все не тот саккос и омофор. Никон вместе с властями ждал, пока не принесено было требуемое им облачение. Облачившись, он совершил литургию вместе с двумя митрополитами (Крутицким Питиримом и Сербским Михаилом), одним архиепископом (Тверским Иоасафом), архимандритами, игуменами и протопопами. Пока шла литургия, в алтаре уже перешептывались, что патриарх оставляет кафедру, так как по приказанию его еще утром иподиакон Иван Тверицын купил для него простую поповскую ключку и рассказал о том своему товарищу. Во время святого причащения патриарх целовал властей и всех служащих в уста. Причастившись, сел на свое седалище и писал что-то, вероятно, послание к царю, отправленное после, и приказал ключарю поставить сторожей у церковных дверей, чтобы никого не выпускали из церкви: поучение будет. По заамвонной молитве Никон вышел из алтаря на амвон и сначала по обычаю прочел положенное поучение из Бесед святого Златоуста, касавшееся значения пастырей Церкви, а затем повел речь от себя. Что говорил он и что потом происходило в соборе, передать с точностью невозможно, потому что хотя года через полтора более шестидесяти свидетелей дали об этом письменные сказки, но большею частью показали весьма немногое, отзываясь, что иного не слышали или не могли слышать, а другое запомнили. Все согласны только в одном, что Никон отказывался от патриаршества и говорил народу: "Патриархом вам не буду, не называйте меня патриархом". Лишь немногие дали несколько подробные показания, но неодинаковые. Например, по сказке Крутицкого митрополита Питирима, Никон говорил: "Ленив я был учить вас, не стало меня на это, от лени я окоростовел, и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели от меня. От сего времени не буду вам патриархом; если же помыслию быть патриархом, то буду анафема". То же самое показали Тверской архиепископ Иоасаф и соборный поп Федор Тереньев, но потом Иоасаф сознался, что не помнит, произнес ли Никон слово "анафема", равно как и все другие свидетели сказали, что или не помнят, или не слышали этого слова. По сказке патриаршего ризничего диакона Иова, Никон говорил в своей речи к народу: "Как ходил я с царевичем Алексеем в Колязин монастырь, в то время на Москве многие люди к Лобному месту собирались и называли меня иконоборцем за то, что я многие иконы отбирал и стирал, и за то меня хотели убить. Но я

отбирал иконы латинские, писанные с подлинника, что вывел немец из Немецкой земли, которым поклоняться нельзя". И, указывая при этом в иконостасе соборной церкви на Спасов образ греческого письма, продолжал: "Вот такому можно поклоняться, а я не иконоборец. После того называли меня еретиком: новые-де книги завел - и то чинится ради моих грехов. Я предлагал многое поучение и свидетельство Вселенских патриархов, а вы в непослушании и окаменении сердец ваших хотели меня камением побить. Но один Христос искупил нас Своею Кровиюю, а мне, если побьете меня камением, никого своею кровиюю не избавить. И чем вам камением меня побить и называть еретиком, так лучше я от сего времени не буду вам патриархом. Предаю вас в руки Богу живому: Он вас да упасет". Но потом ризничий Иов сознался, что он подлинно не упомнит, теперь ли в поучении говорил Никон все эти слова или говорил прежде в других местах. Окончив свою речь, Никон стал своими руками разоблачаться: снял с себя митру, омофор, саккос. Многие со слезами молили его: "Кому ты оставляешь нас, сирых?" Он отвечал: "Кого Бог вам даст и Пресв. Богородица изволит". Подьяки принесли мешок с простым монашеским платьем, но власти мешок отняли и не дали патриарху надеть это платье. Он пошел в ризницу, надел там черную мантию с источниками (следовательно, архиерейскую) и черный клобук, поставил посох Петра чудотворца на святительском месте, взял простую клюку и пошел из церкви. Но православные всех чинов люди соборную церковь заперли и из церкви его не пустили, а послали Крутицкого митрополита Питирима с другими властями известить о всем государя. Никон, дошедши до своего облачного места среди церкви, сел на последней его ступени лицом к западным дверям и дожидался, что будет. Государь, выслушав доклад Питирима, отправил в собор своего знатнейшего боярина, князя Алексея Никитича Трубецкого. Боярин, как свидетельствуют в своих сказках митрополиты Крутицкий и Сербский, прежде всего просил благословения у патриарха, но патриарх боярина не благословил, сказав: "Прошло-де мое благословение, недостойн я быть в патриархат". Боярин: "В чем твое достоинство и что ты сделал?" Патриарх: "Если тебе нужно, я стану тебе каяться". Боярин: "То не мое дело, не кайся". Подтверждая это в своей сказке, сам боярин, князь Трубецкой, показал еще следующее: "Я спросил патриарха Никона, для чего он оставляет патриаршество, не посоветовавшись с великим государем, и от чьего гонения, и кто гонит". И патриарх отвечал: "Я оставил патриаршество собою, а не от чьего и не от какого гонения, и государева гнева никакого на меня не бывало. А о том я прежде бил челом великому государю и извещал, что мне больше трех лет на патриаршестве не быть". Затем дал мне патриарх письмо и велел поднести великому государю, да приказывал бить челом, чтоб государь пожаловал велел дать ему келью. Про все то я великого государя известил, и он послал меня к патриарху в другой раз, велел отдать ему письмо назад и сказать, чтобы он патриаршества не оставлял и был по-прежнему, а келий на патриаршем дворе много, в которой он захочет, в той и живи. Никон, приняв письмо, отвечал: "Я слова своего не переменю, да и давно-де у меня о том обещание, что патриархом мне не быть". И пошел из соборной церкви вон".

Ошибся Никон в своих расчетах, не пришел к нему в церковь сам царь, не умолял его вместе с духовенством и всем народом не покидать кафедры, а прислал только своего боярина сказать ему, чтобы он патриаршества не оставлял. Не совсем понятными кажутся слова Никона Трубецкому: "О том я прежде бил челом вел. государю и извещал, что мне больше трех лет на патриаршестве не быть". Впоследствии в одном из писем своих к царю (от 25 декабря 1671 г.) Никон писал: "В прошлом 160 (т. е. 1652) году Божию волею, и твоим, великого государя, изволением, и всего освященного Собора избранием был я поставлен на патриаршество не своим изволом; я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе челом бил, что меня на такое великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет бил я тебе челом отпустить меня в монастырь, но ты оставил меня еще на три года. По прошествии других трех лет опять я тебе бил челом об отпуске в монастырь, но ты милостивого своего указа не учинил. Я, видя, что мне челобитьем от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь". Но известно, что происходило при избрании Никона и как превозмог тогда царский глагол: царь униженно умолял тогда Никона принять патриаршество. Подобное повторилось и спустя три года, когда Никон вздумал проситься в монастырь, царь не оставил его, а, наверно, умолил его остаться еще на три года, потому что в это-то время он и сказал царю, что больше трех лет на патриаршестве не будет, хотя мы и не знаем, когда именно это случилось (не после ли ссоры их в Великую пятницу 1656 г. из-за водосвятий на праздник Богоявления?). Такого же милостивого указа, иначе, такого же моления со стороны самого царя, без сомнения, ожидал Никон и теперь, по прошествии второго трехлетия его патриаршества, но не дождался.

Обманутый в своих надеждах, смиренно вышел он из соборной церкви и, увидев вблизи приготовленного извозчика с колесницею, хотел на нее сесть, так как на Ивановской площади была тогда грязь. Но народ распряг лошадь и разломал телегу. Никон пошел по грязи пешком. Ему привезли карету - он в нее не сел, а пеший продолжал путь до Спасских ворот. Народ, следовавший за ним, затворил ворота и не хотел его выпустить. Никон сел в одной из печур (углублений), и многие тут плакали, что оставляет их пастырь. Царские сановники велели отворить ворота, и Никон пошел Красною площадью и Ильинским крестцом на Воскресенское подворье. Вошедши здесь в свои кельи, дал благословение народу и отпустил всех. "И присла царское величество, - пишет Никон, - тех же бояр (князя Алексея Трубецкого с другими), да не отыду, дондеже не увидимся с его царским величеством. И аз тамо ожидах три дни, и от его царскаго величества вести ко мне не было, и по трех днех отыдох". Никон, выпросив в Новодевичьем монастыре две плетеные киевские коляски, на одну сел сам, а на другую положил свои вещи и отправился в свой Воскресенский монастырь. Но здесь показание Никона представляется невероятным: он пробыл на подворье не три, а разве один или полтора дня. Июля 12-го царь уже послал в Воскресенский монастырь к Никону боярина Алексея Трубецкого и дьяка Лариона Лопухина, как сами они пишут в своей сказке, указал им говорить Никону: "Для чего он, не доложив великому государю и не подав ему благословения, поехал из Москвы скорым обычаем? А если б

только великому государю ведомо было, то он велел бы проводить его, патриарха, с честью. Да чтобы он великому государю, царице, царевичу и царевнам подал свое благословение. А кому изволит Бог и Пресв. Богородица быть на его месте патриархом, подал бы также благословение. Церковь же и дом Пресв. Богородицы, покаместа патриарх будет, благословил бы ведать Крутицкому митрополиту". Значит, у царя было уже решено, что Никон патриархом Московским более не будет, что на место его изберется новый патриарх, а до избрания нового должно быть междупатриаршество. Никон отвечал царским послам: "Чтоб великий государь, царица и прочие пожаловали его простили. А им благословение и прощение посылает. А кого Бог изволит и Пресв. Богородица и укажет великий государь быть на его месте патриархом, и он, патриарх, благословляет и бьет челом государю, чтоб Церковь Божия не вдовствовала и без пастыря не была. А Церковь и дом Преч. Богородицы благословляет, покаместа патриарх будет, Крутицкому митрополиту. В том же, что поехал из Москвы вскоре, не известя великого государя, пред ним виноват: убоялся того, что его постигла болезнь и ему б в патриархах не умереть. Впредь патриархом он быть не хочет, а только-де похочу быть патриархом, проклят буду и анафема". С теми же послами царскими послал Никон свое благословение и прощение боярам, и думным людям, и всем православным христианам. Кроме того, Никон послал еще к царю, царице и всему царскому семейству собственноручное письмо, в котором говорил: "Многогрешный богомolec ваш, смиренный Никон, бывший патриарх, о вашем душевном спасении и телесном здравии Господа Бога, ей-ей, со слезами молю. И милости у вас, государей, и прощения прошу... Господа Бога ради простите ми многое к вам, великим, мое согрешение... Второе, и третье, и многожды множицею прошу Господа Бога ради, простите мя, да и сами от Господа Бога прощения сподобитесь, и не поминайте ми много моего согрешения: вем, о вем, яко много и премного - много к вам, государем, мое согрешение и велико зело, емуже, ей-ей, воистину несть числа. А если, умилосердившись, желаете знать о мне, грешном, то скажу, что по отшествии (с Воскресенского подворья) вашего боярина, князя Алексея Никитича с товарищами, ждал я от вас, великих государей, по моему прошению милостивого указа и не дождался и многих ради болезней моих велел отвезти себя в ваше государево богомолье - Воскресенский монастырь". Царь прислал Никону свое милостивое прощение чрез стольника Афанасия Ивановича Матюшкина.

Таким образом, все, казалось, устроилось мирно. Никон самовольно, без воли государя, оставил кафедру и уехал в Воскресенский монастырь, но просил прощения, и государь его простил. Никон объявил, что не будет более патриархом, и в письме к царю называл уже себя *бывшим* патриархом; дал свое благословение тому, кто на его место будет избран в патриарха, и бил челом царю, чтобы Церковь не вдовствовала без пастыря; благословил, наконец, впредь до избрания нового патриарха править Церковью Крутицкому митрополиту. Между царем и бывшим патриархом открылись добрые сношения. Но, увы, скоро все изменилось. Враги Никона, окружавшие государя, начали еще сильнее, чем прежде, возбуждать его против Никона; в самом Никоне пробудились прежние неукротимые влечения к власти и к верховному

распоряжению делами Церкви, и он своими письмами и действиями более всех возбуждал против себя государя и явился самым главным и злейшим своим врагом. Вследствие чего в нашей Церкви с лишком восемь лет происходили замешательства и волнения и продолжался период междупатриаршества, пока Никон не был совсем низложен и лишен сана и на место его не был избран новый патриарх Московский и всея Руси.